

Мечь фермера

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Мечь фермера

Макс Брэнд

Вернувшись однажды из города, герой романа «Мечь фермера» Джон Сэксон видит, что все, созданное им за восемь лет упорным трудом: дом, амбар, скот, деревья, – все уничтожено огнем. А его, казалось, близкая женитьба на золотоволосой Мэри Уилсон снова становится мечтой. Жажда мести превращает его, мирного фермера, в беспощадного киллера. Как охотник, он будет преследовать теперь свою жертву до тех пор, пока не расплатится с ней за все сполна.

Макс Брэнд

Мечь фермера

Глава 1

Когда срубашь ветку молодого дерева, из раны вытекает сок, дающий жизненные силы, и дерево, вместо того чтобы расти, начинает сохнуть, походить на чахлые деревца горных вершин, постоянно терзаемые ледяным ветром. Дэниела Финли можно было сравнить с одним из них. Ему было сорок с небольшим, но он казался высохшим, будто шестидесятилетний. Вместе с кистью правой руки Финли лишился возможности жить счастливо. О физической работе не приходилось и думать – оставалась только умственная, но и тут он действовал, выражаясь фигурально, как левша, будучи от природы

возмутителем спокойствия.

У него была адвокатская контора в городке Блувотер, но его основная деятельность протекала в других местах. В зале суда жесты лишенной кисти правой руки производили потрясающий эффект на присяжных, убеждая жюри в абсолютной искренности защитника, а его негромкая спокойная речь создавала впечатление исполненного трагизма существования, где не может быть места обману. Именно это позволяло Даниэлу лгать куда успешнее, чем большинству его собратьев. В то солнечное воскресенье он приступил к делу, которому было суждено стать его шедевром, чему способствовало как число его участников, так и степень возбужденного к нему общественного интереса.

Еще не так давно воскресенья в Блувотере были более шумными и опасными, чем будние дни, но с тех пор, как преподобный Джозеф Хантер построил на холме в конце улицы белую церковь, в городе начали воцаряться закон и порядок. Салуны по воскресеньям закрывались, и на улицу опускалась тишина, которую Финли люто ненавидел. В будни люди целыми днями трудились в поте лица, чтобы добиться успеха, и Дэниел чувствовал себя несчастным только по вечерам, когда другие горожане возвращались домой, не испытывая страха перед долгой ночью, но каждый час тихого и спокойного воскресенья напоминал ему о том, что в этом мире он совершенно одинок.

Медленно шагая по улице, Финли ненавидел абсолютно все, начиная от пыльных пустых дорожек к убогим каркасным домикам и лавчонкам и кончая походящими на зубья пилы очертаниями гор на фоне неба. Он вглядывался в прозрачную голубизну, не находя в ней успокоения, слышал непрекращающееся взволнованное журчание Блувотер-Крик, спешащего по делу, которое никогда не завершится.

Тут и там Дэниел проходил мимо горожан, сидящих на крылечках своих лачуг. Если среди них были женщины, он машинально поднимал правую руку, но, вспомнив об отсутствующей кисти, быстро снимал шляпу левой. Женщинам не надоедало это зрелище – они никогда не устают смотреть на то, что заставляет их сердца болеть хотя бы чуть-чуть.

Жалея страдальцев и увечных, мы считаем само собой разумеющимся, что их сердца должны быть добрыми. Непомерную гордыню Финли принимали за чувство собственного достоинства, а злобу, запечатленную на лице и во взгляде, приписывали телесным и душевным мукам. Дэниел отлично знал, что думают о

нем люди, и поэтому, невзирая на мрачное настроение, в котором пребывал большую часть времени, совершал тайком каждый год два-три акта милосердия, понимая, что слухи о подобных «тайных» деяниях распространяются с невероятной быстротой. Многие жители Блуводера были готовы поклясться, что Финли – один из лучших людей во всем мире.

Этим утром он думал о том, какую позицию ему следует занять в отношении новой церкви. Открытое лицо и ласковый взгляд доброго священника вызывали в нем такую ненависть, что одна только мысль о нахождении среди прихожан была для него сущей пыткой. Однако при виде наряженных во все лучшее горожан, быстро поднимающихся на холм, он понял, что ему не удастся игнорировать факт, приобретший столь важное общественное значение. Даже верзила Хэнк Уильямс, за которым в прошлом числились два трупа, шагал по дороге вместе с женой и тремя детьми, выглядя при этом счастливым и довольным.

Дэниел решил, что будет посещать церковь раз в год, во время рождественской службы, приходить одним из последних и садиться в заднем ряду, а еще лучше – стоять позади, если все места окажутся занятыми. Вскоре люди начнут потихоньку оборачиваться на него и перешептываться во время службы. Священник устремит в его сторону удивленный взгляд. Когда станут передавать тарелку для сбора пожертвований, он опустит в нее сто долларовый банкнот, сложив в несколько раз. Впоследствии размер даяния обретет известность, и женщины с детьми будут смотреть на него с восхищением.

Финли понимал, что завоеует этим поступком куда больше внимания и симпатии, чем молясь на коленях каждое воскресенье. А приобрести уважение сильных и счастливых людей он стремился с такой же силой, с какой презирал и ненавидел их всех.

Подойдя к магазину и обнаружив, что он закрыт, Дэниел счел это личным оскорблением. Но на широкой веранде сидели у стены Боб Уизерелл и несколько его приятелей. Они являли собой подходящий объект для пакостей, поэтому при виде их Финли ощутил злобную радость. Всего шесть месяцев назад он защищал Боба Уизерелла, обвиненного в ограблении дилижанса, едущего в Уоррентон. «Ты виновен как сам дьявол, – сказал Бобу адвокат, – но я возьмусь за твое дело, так как ты еще слишком молод».

Финли всегда прикрывал свои неблагоприятные поступки разумными и великодушными сентенциями. Когда Уизерелл после оправдания осведомился о размере его гонорара, Дэниел заявил, что действовал не ради денег, и отказался назвать сумму. Сгоравший от стыда Боб сунул пятьсот долларов в конверт, который оставил на его столе. Адвокат принял деньги с беспечным видом стоящего выше подобных мелочей.

Боб Уизерелл помнил, что его избавил от тюрьмы человек, поверивший в него, хотя и знающий о его вине. Поэтому при виде Финли он вскочил со стула и почтительно пожал ему руку. Видеть высокого и широкоплечего парня с румяными щеками и весело поблескивающими черными глазами, который словно испытывал удовольствие от самого факта своего существования, для Дэниела было поистине мучительно. Он ненавидел Уизерелла за то, что тот наслаждался преимуществами физического здоровья, но терпел его, так как Боб был орудием, которым в один прекрасный день можно воспользоваться для причинения боли другим.

Уизерелл представил адвоката приятелям. Внешне они мало походили на Боба, но в глазах каждого был такой же неутомимый блеск. Финли протянул им, одному за другим, левую руку. Он отлично знал, что всем этим парням место в тюрьме, а некоторые, возможно, окончат жизнь на виселице, но постарался придать лицу любезное выражение.

– Посмотрите-ка на ту сторону улицы, мистер Финли, – сказал Боб Уизерелл. – Как зовут эту девушку? Черт возьми, да ведь она красавица!

Строго говоря, это не соответствовало действительности – девушка была всего лишь хорошенькой. Ветер развеивал ее белое платье, а солнце отбрасывало на лицо золотистый отсвет, проникая сквозь широкие полупрозрачные поля шляпы. Она словно излучала доброту и мягкость, улыбаясь так, как улыбаются девушки, когда они очень молоды и очень счастливы. Кажется, будто они внемлют тому, что недоступно более старым ушам. Маленький белый домик, стоящий напротив, ничем не отличался от своих соседей, если не считать сада за забором. Девушка бродила по его узким дорожкам, с улыбкой склоняясь над цветами, осторожно к ним прикасаясь.

– Ее зовут Мэри Уилсон, и она не для тебя, – ответил Финли.

– Вот как? – удивился Уизерелл. – Кто же ее застолбил?

– Молодой парень с гор, – объяснил Дэниел. – У него хижина на краю участка Бентли.

– Какой-нибудь паршивый скваттер[1 - Скваттер – колонист, захвативший свободный, необработанный участок земли при колонизации, мелкий арендатор. (Здесь и далее примеч. перев.)]? – допытывался Уизерелл, не сводя глаз с девушки.

– Не называй его так, – одернул Боба адвокат. – Парень в шестнадцать лет остался один и с тех пор усердно трудится на этом клочке земли. Построил там хижину и амбар, заготавливает сено, начал собирать стадо. Он заслуживает всяческого уважения.

Рисую портрет честного человека и достойного гражданина, Финли искоса наблюдал за тем, какое впечатление это производит на Уизерелла, и его сердце учащенно забилося, когда он увидел, что яд начал действовать.

– Бьюсь об заклад, что смог бы увести девчонку у этого парня, если бы захотел, – заявил этот.

– Только не у Джона Сэксона, – покачал головой Дэниел. – Это настоящий мужчина, Боб, сильный и крепкий, как все, кто живет в здешних горах. Так что не связывайся с ним ни при каких обстоятельствах.

Адвокат притворился, что не заметил гневного румянца на лице бандита и быстрого взгляда, который он бросил на свои здоровенные ручки. Глаза Финли радостно блеснули. Он знал, что обеспечил неприятности Джону Сэксону.

У Дэниела не было особых причин ненавидеть Сэксона, если не считать того, что парень являл собой совершенный тип честного гражданина, которого никогда не одолевают искушения, такой человек трудится от зари до заката, завоевывает уважение соседей, любит жену и детей, а в конце жизни окружен всеобщей любовью и привязанностью. Подобные люди раздражали Финли больше всего на свете. Всем своим существованием они доказывали, что честность и трудолюбие – самый надежный путь к счастью, отрицая собственным примером, что его можно достичь хитростью, коварством и мошенничеством. Они охотно

принимали все ограничения, налагаемые обществом, и довольствовались самыми незатейливыми радостями. Именно поэтому адвокат ненавидел Джона Сэксона и искренне надеялся, что ему здорово достанется от Боба Уизерелла.

- Так он сильный и крепкий, а? - переспросил Боб.

- Джон Сэксон скоро будет здесь, - сообщил Финли, - и поведет в церковь эту девушку - очевидно, самую хорошенькую в городе. Увидишь, как она будет улыбаться, словно счастливее ее нет никого во всем Блувотере, и у нее есть основания так думать. - Он покачал головой и с упреком посмотрел на Уизерелла. - Чего стоит такое перекати-поле, как ты, по сравнению с Джоном Сэксонем? Ты ведь знаешь, Боб, что я принимаю твою судьбу близко к сердцу и хочу, чтобы ты изменился к лучшему. Вот почему я прошу тебя обратить внимание на Сэксона. Бери с него пример, Боб. Честность - лучшая политика.

Дэниел похлопал Уизерелла по плечу и медленно зашагал вверх по улице мимо нескольких превосходных лошадей, привязанных к столбам. Кони были слишком красивы, чтобы принадлежать небогатым людям, а Уизерелла и его приятелей трудно было назвать богачами. Единственное их богатство заключалось в умении сеять зло, а Финли с чувством глубочайшего удовлетворения ощущал, что он стимулировал этот процесс, который очень скоро начнет действовать.

Глава 2

Оставшись в компании друзей, Уизерелл молча уставился на дорогу.

- Адвокат здорово отделал тебя, Боб, - ухмыльнулся один из приятелей.

Уизерелл не ответил, продолжая напряженно думать. Это верно - ему не удалось добиться особых успехов. Конечно, он превосходил многих физической силой, красотой, умением скакать верхом и, что самое главное, меткостью в стрельбе, поэтому смог стать вожаком группы отчаянных парней. Но большим успехом это не назовешь. Он не внушал окружающим такого ужаса и не поражал их воображение так, как его брат, известный под кличкой Пасьянс.

А тот был фигурой общенационального значения. Перечень убитых им изобиловал важными именами, включая даже федерального шерифа. Каждый хоть сколько-нибудь информированный человек мог назвать большинство из двадцати двух жертв Пасьянса. Женщины улыбались ему, потому что их привлекала его дурная слава. Вторым прозвищем Пасьянса было Успех. Боб знал, что ему всегда будет далеко до своего брата.

Это угнетало его, так как он понимал, что не принадлежит к категории людей, способных подражать достижениям Пасьянса. Уизерелл чувствовал, что и его приятели – мелкий, дешевый сброд, мало подходящий для достижения великой цели.

В этот момент он увидел Джона Сэксона, который правил парой мулов, запряженных в старую тарахтящую повозку. Сэксон оказался высоким молодым парнем с веселым, коричневым от загара лицом. Приподнявшись, он взмахнул кнутом и громко крикнул. Мэри Уилсон выбежала из сада, размахивая руками в ответ.

Мулы пустились в легкий галоп.

– Черт побери! – проворчал Боб. – Это и есть Сэксон?

– Выглядит он достаточно крепким, – заметил Бутс Расселл.

– Да, – согласился Уизерелл, – но, возможно, не настолько крепок, чтобы потанцевать, а?

Эта мысль доставила ему немалое удовольствие. Его глаза радостно блеснули от предвкушения, как он заставит Сэксона выделять антраша в присутствии хорошенькой девушки.

Джон спрыгнул на землю, бросив поводья, и мулы тут же остановились, опустив головы. Молодой человек отряхнул пыль с отлично скроенного темно-серого костюма и серой широкополой шляпы. Несмотря на массивную фигуру, он двигался с легкостью и быстротой, свидетельствующими об отменном здоровье. Все это вызывало у Боба жгучую к нему ненависть. Финли удалось сделать их соперниками.

Более всего Уизерелл возненавидел светловолосую голову, представшую его глазам, когда Сэксон сбросил шляпу и обнял девушку. Смеясь и протестуя, она вырвалась и стала разглаживать платье.

Боб презрительно усмехнулся и достаточно громко произнес:

– Ну и болван! Что за манеры! Так неловко тискать девчонку! Да он просто не мужчина!

– На вид мужчина что надо, – возразил Бутс.

К самому Расселлу это определение никак не подходило. Он был маленьким, тощим и с душонкой, мелковатой даже для столь неказистого тела. Зато слыл истинным виртуозом в единственно знакомом ему виде искусства – обращении с кольцом 45-го калибра.

– Значит, по-твоему, он мужчина что надо? – осведомился Уизерелл.

– Выглядит парень достаточно крутым. Может, даже круче, чем ты думаешь, – отозвался Бутс.

Боб собирался презрительно отмахнуться, но забыл обо всем, глядя на противоположную сторону улицы. Испытываемая им ненависть была настолько глубокой, что удивила его самого.

Обернувшись, он увидел вдалеке Финли, медленно направляющегося обратно, в их сторону. Почувствовав новый прилив злобы, Уизерелл внезапно поднялся и окликнул:

– Эй, Сэксон!

Джон Сэксон отвернулся от девушки.

– В чем дело? – бросил он.

– Пойди-ка на минутку сюда, – подозвал Боб.

Сэксон заколебался, но природное добродушие одержало верх – он улыбнулся, кивнул и зашагал через дорогу. При виде незнакомцев на веранде улыбка его исчезла.

– Разве я вас знаю, ребята? – поинтересовался он.

– Пока что нет, – ответил Уизерелл. – Но может быть, мы скоро познакомимся поближе. Причиной, по которой я тебя окликнул, были твои длинные ноги.

Бутс расхохотался. Остальные последовали его примеру. Лицо Сэксона помрачнело. Это было красивое лицо, черты которого свидетельствовали о твердости характера. Серые глаза под выгоревшими на солнце бровями угрожающе блеснули.

– Я с вами не знаком, – сказал Сэксон. – Не знаю, что вам за дело до моих ног, и, честно говоря, знать не хочу.

– Конечно не хочет, – ухмыльнулся Расселл. – Он слишком большой, чтобы интересоваться такими мелочами.

– Пожалуй, стоит его укоротить, – промолвил Уизерелл. – Сэксон, ты умеешь танцевать?

Джон окинул компанию спокойным взглядом:

– Вы напрашиваетесь на неприятности, ребята. Но я занят.

Он начал поворачиваться, однако тут же остановился, скорее от удивления, чем от испуга при виде блеснувшего в руке Уизерелла револьвера.

– Танцуй! – рявкнул Боб и послал пулю в дощатый настил тротуара под ноги Сэксона.

Отлетевшая щепка ударила его по ноге, Джон подпрыгнул с криком:

– Что ты делаешь, идиот?

– Танцуй! – повторил Уизерелл и выстрелил снова.

Сэксон опять инстинктивно подскочил, увертываясь от опасности.

Выпустив пять пуль подряд, Уизерелл быстро выхватил второй кольт и продолжил пальбу. Девушка на другой стороне улицы закричала от ужаса и побежала к Сэксону. Охваченный паникой, он повернулся и со всех ног ринулся ей навстречу.

При каждом шаге очередная пуля вздымала пыль у него под ногами. Джон мчался с такой скоростью, что со стороны могло показаться, будто он бежит босиком по раскаленным углям. Схватив девушку в охапку, молодой человек промчался вместе с нею сквозь открытую калитку по дорожке сада и скрылся в белом домике, все еще не выпуская ее из рук.

Боб затрясся от хохота. Казалось, он вот-вот лопнет.

Люди высыпали на улицу, услышав выстрелы и крики.

– Пошли, ребята! – обратился к друзьям Уизерелл. – Мне осточертел этот город. Все равно лучше этого танца нам тут ничего не увидеть.

Они уже сели на лошадей, когда к ним подошел Дэниел Финли и погрозил Бобу пальцем.

– Боюсь, ты неисправим, – сказал он. – Давать тебе добрые советы – только зря сотрясать воздух. Лучше убирайся отсюда поскорее.

Уизерелл поскакал прочь с легким сердцем. Он осрамил Джона Сэксона перед его девушкой, и теперь красавчик блондин до конца дней будет помнить о своем позоре и вздрагивать каждый раз, когда услышит имя Боба. А может быть, у девушки тоже откроются глаза, и она поймет, что на свете существуют другие мужчины, кроме простых честных работяг. Возможно, даже будет вздыхать, вспоминая о происшедшем.

Уизерелл намеренно повел своих людей в горы, однако чистая случайность привела их по южной тропе к холмам, где находилось старое пастбище Бентли.

– Смотрите-ка! – воскликнул Бутс. – Хижина скваттера. Наверняка это лачуга Сэксона. Давайте заглянем туда.

Они вошли в хижину. В ней было две комнаты, причем одна из них недостроенная. Во дворе лежали обтесанные бревна, ожидая того дня, когда их превратят в стены. Несомненно, комнату собирались полностью закончить к свадьбе. Внутри находилось то, чего следовало ожидать в хижине молодого поселенца, только начавшего обзаводиться стадом. На стенах висели старая одежда, упряжь, седла, уздечки, ружья и всевозможная утварь. Потолок отсутствовал. Длинные изогнутые балки тянулись от стены к стене, на них покоилась платформа с недавно заготовленными шкурами. В хижине не было ничего необычного, если не считать маленькой полки с книгами. При виде ее Уизерелл презрительно скривил губы.

– Да этот парень к тому же из образованных?! – фыркнул он, зажигая сигарету и бросая на пол спичку. – Что скажете об этой выставке, ребята?

– Кому что нравится, – пожал плечами Бутс.

– Смотрите! – воскликнул другой. – Спичка подождла стружки. Затопчите огонь, парни!

Уизерелл увидел тянущуюся вверх струйку дыма и маленькие искорки пламени. В углу лежали оставленные рубанком плотника стружки вместе с обрывками бумаги.

– Если ему не хватило ума подмести пол, то чего ради нам об этом беспокоиться? – заявил Боб. – Пускай себе горит. Пламя не настолько сильное, чтобы поджечь дом. А если и подожжет, что с того? Меня тошнит от этого трусливого верзилы. Помните, как он вопил? Так что оставим все как есть.

Он вышел из дома. Его спутники последовали за ним с виноватым видом, но они боялись и стыдились протестовать. Равнодушие их вожака казалось им вполне подходящим по-настоящему крутому парню.

– Этот Сэксон не мужик, а кухонная баба, – продолжал насмехаться Уизерелл. – Поглядите на огород – у него там картофель, лук и помидоры. А вон коптильня, где он заготавливает свинину. Черт с ним, с этим слюнявым щенком!

– погоди, Боб, – остановил его Бутс. – Посмотри назад. Дом все-таки загорелся.

Уизерелл резко повернулся. Дерево оказалось суше, чем он ожидал. В конце концов, куча стружек была не такой уж маленькой, а сквозняк, очевидно, раздул пламя, которое теперь громко трещало, разгораясь все сильнее.

– Подождите минуту, – велел Уизерелл.

Подбежав к дому, он задержался на пороге. На полу извивались алые огненные змеи, а еще несколько ползли вверх по стенам. Все вещи в комнате успели сгореть. Ущерб был причинен достаточный, чтобы отправить в тюрьму всю компанию.

Боб решительно захлопнул дверь:

– Пусть догорит! Почему мы должны об этом беспокоиться? Невелика фигура этот Сэксон. Я бы не дал ломаного гроша за дюжину таких, как он! – и вскочил в седло.

Пламя внутри дома начало грозно реветь. Дым вырывался из тысячи щелей.

– Лачуга хрупкая, как спичечный коробок, – усмехнулся Уизерелл. – Он даже хижину не мог толком построить.

Внезапно изнутри донесся грохот – очевидно, взорвалось одно из ружей.

– Должно быть, его дух устроил пальбу, – хохотнул Бутс.

– Разве что дух – у самого красавчика Джона кишка тонка спустить курок, – отозвался Боб. – Он убежал бы, скуля, как побитый пес.

– Однако он вырастил недурных коров, – заметил Бутс.

– Верно, – согласился Уизерелл, ощущая прилив злобной радости. – Приготовил скотинку специально для нас. Окружайте их, ребята! Я знаю место миль за пятьдесят отсюда, где можно продать коров, – за сотню голов нам отвалят

неплохие денежки. Затевая ссору с Сэксоном, я был уверен, что мы не потратим время зря.

Глава 3

Когда Джон Сэксон, направляясь домой, поднимался в горы, в его груди тлели лишь остатки гнева на Боба Уизерелла, заставившего его танцевать под пулями. Успокоившись сам и успокоив бьющуюся в истерике Мэри Уилсон, он отправился в церковь, так как чувствовал, что сейчас это самое подходящее для него место, после перенесенного стресса. Сам Джон пользовался ружьем только для охоты на оленей, а что касается револьвера, то ни разу в жизни не спускал его курка. Пули приносили мясо, и, следовательно, с ними нужно было обращаться с величайшей осторожностью.

Поэтому Сэксон не испытывал особого стыда из-за своего бегства от Боба Уизерелла. По пути в церковь он заметил, что люди смотрят на него усмехаясь, но не мог понять, что в его поведении могло их позабавить. Только по дороге домой Мэри Уилсон объяснила ему:

– Они смеются, потому что ты убежал.

– Убежал? – недоуменно переспросил Джон. – Конечно, я убежал от сумасшедшего с револьвером. Точно так же я убежал бы и от лесного пожара.

Девушка кивнула, но вид у нее был не особенно счастливый. Не то чтобы она по-настоящему сомневалась в Джоне, но в голове у нее роились беспокойные мысли.

Позднее, за обедом, отец Мэри упомянул о происшедшем. Вначале на чем свет стоит поругал Боба Уизерелла, заявив, что таких негодяев нужно вешать на месте, однако потом выразил шутливое удивление, что Джон оказался великолепным танцором и мастером по прыжкам в высоту. Его жена засмеялась, а Мэри покраснела.

Не оставалось сомнений, что Уизерелл здорово позабавил значительную часть жителей Блуотера.

После обеда Сэксон улучил момент, чтобы поговорить наедине с Уилсоном.

– По-вашему, мне следовало дать отпор Уизереллу? – напрямик осведомился он.

– Дать отпор? Так мог поступить только пьяный или круглый дурак, – ответил Уилсон. – Нет, мой мальчик. Куда разумнее было повернуться и убежать – тем более что это дало людям возможность увидеть лучшего в мире танцора!

Мистер Уилсон снова засмеялся, но Сэксону было не до смеха. Будучи простодушным парнем, он многое воспринимал как само собой разумеющееся. Джон с детских лет не раз участвовал в драках и всегда побеждал, так как был сильнее и проворнее большинства своих сверстников. Однажды ему пришлось иметь дело с парнем, который был старше, выше и крупнее его. Драка была долгой и отчаянной, но Сэксону удалось одержать верх, благодаря упорству.

Джон всегда полагал, что стойкость и смелость – одно и то же. Ему казалось, что он проявлял смелость, собирая стадо во время зимнего урагана или спускаясь с отвесной скалы, чтобы спасти овцу, застрявшую между камнями.

Однако, как выяснилось, существует и иная точка зрения, согласно которой мужчина может продемонстрировать свою смелость, только выступив с голыми руками против убийцы, вооруженного револьвером.

Несправедливость этой концепции растревожила не знающую сомнений душу Сэксона. Когда он прощался с Мэри, ему показалось, будто девушка хмурится.

– Тебе бы хотелось, чтобы я отобрал у Уизерелла револьвер и сбил его с ног? – прямо спросил Джон.

– Не знаю, – рассеянно ответила Мэри. – Я просто рада, что ты цел и невредим, и жалею, что такое произошло.

Когда Сэксон ехал по дороге в горы, многие смеялись, глядя на него, а один человек громко сказал своему приятелю:

– Слышал, как этот парень вопил?

Джон покраснел, чувствуя, как колотится его сердце. Он знал, что самое страшное проклятие в мире – это когда тебя считают трусом. Настоящий мужчина скорее умрет, чем позволит, чтобы о нем говорили подобное.

Мулы поднимали повозку все выше и выше по горной тропе, и Сэксон постепенно начал успокаиваться. В чистом воздухе дышалось легче, а за поворотом находилась площадка, откуда Джон всегда смотрел на свою маленькую долину. Мулы отлично знали его привычку и сами тут остановились.

Джон, улыбаясь, посмотрел вниз, но улыбка постепенно сползла с его лица. Что-то было не так...

Не веря своим глазам, он устремил взгляд в знакомую голубизну неба, потом снова посмотрел на долину. На том месте, где раньше стоял его дом, теперь поднималась струйка дыма.

Дом исчез, и амбар вместе с ним. Ветер разносил по воздуху пепел. Деревья, которые росли вокруг хижины, превратились в черные скелеты. Среди зеленой травы темнела выгоревшая отметина, словно нарисованная углем.

Сэксон пустил мулов вперед медленным шагом. Принадлежавший ему мир съезжился до повозки и двух этих животных. Больше у него ничего не осталось.

Оглядевшись вокруг, Джон увидел, что коровы тоже исчезли. В долине побывали демоны, уничтожив за один день все, созданное им за восемь лет! Все его труды пропали даром. Он оказался в том же положении, в каком был шестнадцатилетним парнем.

Если для того, чтобы создать ферму заново, потребуется еще восемь лет, к тому времени ему будет уже тридцать два года. Этот возраст Джону казался весьма солидным. Едва ли Мэри станет ждать его так долго.

Сэксон остановил мулов и слез на землю. Тут и там виднелись темные кучки мусора, над которыми вился дымок.

В коррале лежали трупы двенадцати телят. Некоторых из них пламя едва коснулось, но все умерли, задохнувшись от дыма. Преступники даже не позаботились разрезать туши, чтобы запастись мясом.

Да, здесь побывали убийцы. Сначала Джон думал, что пожар вызвала искра из дымохода, угодившая в стог сена, но это не могло объяснить исчезновение стада из долины. А вскоре он обнаружили следы копыт шести лошадей. Возле ручейка, в грязи, отпечатки были особенно четкими – на левом переднем копыте одной из лошадей виднелась полоса, словно у животного были мозоли.

Один из мулов заржал, и Сэксон вздрогнул от резкого звука.

Он сел на камень, глядя перед собой. Образ исчезнувшего дома стоял перед его мысленным взором. Джон видел себя, готовящего ужин, слышал мычание коров. Но видение быстро исчезало – в реальности кругом была пустота...

Над долиной сгущались сумерки. Вечер быстро приближался. Сэксон остро ощущал холод одиночества. Мулы не служили ему утешением. Ночная тьма наблюдала за ним тысячью глаз. Сама природа спрашивала его, что он намерен делать, а ему нечего было ответить.

Сэксону было двадцать четыре года. Значительная часть жизни, как он считал, осталась позади вместе с солидной порцией надежд.

Наконец Джон пробудился от апатии. Стадо не может передвигаться быстро. Мулы, разумеется, тоже не скороходы, но все же проворнее и выносливее коров.

Отпустив одного мула пастись, Сэксон вскарабкался на другого и двинулся по следу исчезнувшего стада.

Глава 4

Тридцать миль, преодоленные лунной ночью с холодным ветром, и переходы через ледяные горные потоки истощили силы мула.

Джон Сэксон слез с него, забросил в кусты уздечку и отправился дальше пешком. Теперь он двигался даже быстрее, чем верхом, так как, в отличие от него, животное не подгоняло отчаянное беспокойство. Если бы Сэксону удалось вернуть стадо, все было бы в порядке. Дом и все остальное были в основном плодом ручной работы, а сил у него оставалось более чем достаточно. Он чувствовал себя способным работать сколько угодно лет по двадцать часов в сутки, чтобы восстановить утраченное жилище. Потерю хижины в каком-то смысле можно даже рассматривать как благо – теперь он построит дом больше и лучше, достойный Мэри Уилсон.

Другое дело – пропажа стада. Придется снова каждый день работать на ранчо, откладывать каждый месяц тридцать, сорок или даже пятьдесят долларов, экономя каждый цент, отказывая себе во всем, чтобы начать приобретать за четверть цены слабых, голодных коров и собрать, наконец, какое-никакое стадо.

Но чтобы вернуться к тому положению, в котором он находился до внезапного удара судьбы, потребуется еще восемь лет, а Мэри не сможет ждать его так долго.

Эти мысли заставляли Джона шагать всю ночь напролет, сначала при луне, затем на рассвете, отыскивая следы своего стада и лошадей похитителей, в том числе коня с перекладиной на подкове.

Но теперь от левой стены узкого ущелья отходило несколько маленьких расщелин, в каждой из которых виднелись следы коров.

Лучи восходящего солнца осветили белые как мел скалы. При виде их Сэксон застыл как вкопанный.

Ему сразу припомнились истории об угонщиках скота из Белой долины, они уводили в горы большие стада, там разбивали их на группы, которые затем выставляли на продажу в разных местах. С надеждой застигнуть воров врасплох можно было распрощаться. Они уже наверняка передали стадо в руки профессиональных угонщиков. Станным казалось только то, что эти опытные специалисты послали шестерых человек всего ради сотни коров.

Сэксон охватило отчаяние. Он почувствовал усталость и дрожь в коленях. Присев на камень, Джон огляделся вокруг. В центре живописной долины

струился поток; раздуваемые ветром тысячи капель походили на туманную дымку. Рощи высоких деревьев сулили тень и прохладу. Но его не радовала красота пейзажа. Каждый удар пульса напоминал ему о потере.

Спустя какое-то время он увидел, что к нему направляются шестеро всадников. Их число соответствовало количеству похитителей его стада. Джон не заметил, из какой расщелины они выехали, – казалось, грабители свалились с неба. Всадники подъехали ближе, и Сэксон разглядел во главе отряда смазливую громилу Боба Уизерелла.

Всадники насмешливо отсалютовали Джону, а он, посмотрев вниз, увидел, что левое переднее копыто лошади Уизерелла оставляет на земле отпечатки подковы с перекладной.

– Ты гнусный скотокрад, Уизерелл! – крикнул Сэксон.

Бандит повернулся с револьвером в руке. Но Джон как безумный ринулся на врага.

– Вор! Грабитель! – кричал он.

Уизерелл поднял револьвер, собираясь выстрелить, но, увидев, что противник безоружен, изменил решение и, бросив поводья одному из спутников, спрыгнул наземь.

Подбежавший Сэксон взмахнул кулаком, однако бандит парировал удар, продолжая усмехаться.

– Сейчас я научу тебя кое-чему, простофиля, – пригрозил он и молниеносным ударом снизу угодил в подбородок парню.

Джон шагнул назад, чувствуя, что у него подгибаются колени. Уизерелл, не давая ему опомниться, нанес вторую затрещину левой прямо лицо. Джон, обезумевший от гнева, был готов убить врага, но туман сыпался на него один за другим, затуманивая зрение, лишая способности сопротивляться. С лица на одежду стекала кровь.

Сэксон едва успел вытереть заливавшую глаза липкую алую жидкость, как два очередных удара едва не сбили его с ног. Он услышал радостные крики приятелей Уизерелла, советовавших своему вожаку, куда бить дальше. Каждый раз, когда Джон бросался на расплывающийся перед его глазами образ противника, он наталкивался на непробиваемую стену свирепо молотящих кулаков.

- Ладно, ребята, - раздался голос Уизерелла. - Десерт оставляю вам.

Сэксону показалось, будто пуля пробила ему голову навывлет. Он провалился в темноту, а когда мрак начал рассеиваться, почувствовал свирепый тычок в ребра и снова услышал голос Боба:

- Лежи здесь, как недорезанная свинья. А когда увидишь меня в следующий раз, подожми хвост и спрячься получше. Хочешь знать, почему я украл твоих коров? Да просто потому, что мне этого захотелось. Если заведешь новое стадо, я и его украду. Что бы ты ни заполучил, я приду и отберу у тебя это. Почему? Такой уж я парень. Когда вижу собаку, пинаю ее до тех пор, пока она не заскулит!

Джон не знал, сколько прошло времени, когда, наконец, он смог сесть.

Его тошнило. Парень подполз к ручью и лег в него, надеясь облегчить боль ледяной водой. Один глаз распух настолько, что почти не открывался, другой видел смутно. Голова казалась большой, как ведро.

Сначала его опозорили перед невестой, потом ограбили, и в довершение ко всему воры избили его, надсмеялись над ним.

Ну, если в мире есть правосудие, то он его добьется!

Сэксону понадобилось два дня, чтобы вернуться в Блувотер. Рано утром, все еще в испачканной кровью одежде, с распухшим и посиневшим лицом, он вошел в офис шерифа.

Там оказался только молодой негр, подметавший пол, который сказал, что шериф, очевидно, еще дома.

– Господи, да ведь это Джон Сэксон! – воскликнул негр, узнав посетителя. – Должно быть, вы сорвались со скалы, мистер?

Джон направился к дому шерифа Фила Уокера. Двое его сыновей играли во дворе и, увидев парня, с воплями побежали в дом. На их крики выскочил сам шериф – крепкий мужчина с бульдожьей физиономией и моржовыми усами. Нрав у него был свирепый, что он сразу и продемонстрировал.

– Ты напугал моих ребятишек, паршивый бродяга! – рявкнул шериф. – Ну, погоди, я постараюсь, чтобы ты долго никого не смог пугать!

– Пойдите! – взмолился парень. – Я Джон Сэксон и пришел сюда искать правосудия.

– Говоришь, Джон Сэксон? – усмехнулся шериф. – Да, пожалуй, так оно и есть. Где это ты напился и кто тебя так отделал?

– Я не напивался, – ответил парень. – Никогда в жизни я в рот не брал спиртного. Мой дом сожгли, а моих коров украли. У меня не осталось ничего, кроме двух мулов.

– Вот как? И ты знаешь, кто это сделал? – спокойно осведомился шериф.

– Знаю. Боб Уизерелл и пятеро его дружков. Те самые, которые были с ним в городе три дня назад.

– Боб и сейчас в городе, – заметил Уокер. – Пойду приведу его. А ты иди в мой офис и жди там.

Сэксон вернулся в офис и сидел там, пока не услышал приближающиеся шаги. Вошел шериф вместе с Бобом Уизереллом, который сразу же обратился к Джону:

– Мало тебе досталось? Что ты там врешь про меня, вонючка?

– Он украл мое стадо и сжег мой дом! – крикнул Сэксон. – Вы должны его повесить!

– Потише, – посоветовал ему представитель закона. – Прежде чем орать, предъяви доказательства.

– У его лошади подкова с перекладиной на переднем левом копыте. Я шел по ее следу от моего дома до Белой долины, где стадо разделили.

– Ну, это уже что-то, – без особого убеждения промолвил шериф. – Что скажешь, Боб?

– Это грязная ложь! – заявил Уизерелл. – Чего ради мне поджигать дома? Что в его лачуге было такого, чтобы мне понадобилось ее подпалить? Можете объяснить, шериф?

– Не могу, – отозвался тот. – Не мое дело искать причины.

– У моей лошади действительно подкова с перекладиной на переднем копыте, – продолжал Уизерелл. – Но это ничего не доказывает. Я ни разу не видел эту крысу до того, как на днях сыграл с ней шутку, заставив потанцевать на улице. На следующий день я повстречал этого парня снова, и он накинулся на меня с бранью. Поэтому я слез с лошади и отлупил его в честной драке. У меня есть свидетели. Если не верите, я выведу его на улицу и отлуплю снова.

Эта речь была куда более понятна шерифу и показалась ему правдивой.

– Можешь отвести меня к следам, про которые ты говорил? – спросил он у Джона.

– Вчера весь день шел дождь, – напомнил Сэксон. – Вы отлично знаете, что никаких следов там не могло остаться.

– Тогда какого черта ты отнимаешь у меня время? – загремел Уокер. – Убирайся отсюда! А если Уизерелл отдубасит тебя снова, сопляк, то надеюсь, он поработает более усердно! Хоть ты и здоровый парень, внутри у тебя нет ни капли от мужчины!

Глава 5

Когда Джон вышел на воздух, у него кружилась голова. Закон ведь существует для того, чтобы служить людям и защищать их. Почему же он отказал ему в помощи и, более того, – выставил на позор?

Но есть и другие силы, на которые могут опереться попавшие в беду. Сэксон отправился в Первый национальный банк и застал его директора Джима Толливера входящим в свой офис.

– Хэлло! – приветствовал он Джона. – Что с тобой случилось, мой мальчик?

В последние годы Сэксон не раз брал в банке ссуды, которые помогали ему справляться с трудностями, связанными с растущим поголовьем скота. Банкир всегда держался с ним дружески и почти доверительно.

– Я разорен, мистер Толливер, – пояснил Джон. – Разорен полностью. Боб Уизерелл и его шайка сожгли мой дом и украли все мое стадо. У меня остались только два мула.

– Это возмутительно! – воскликнул Толливер. – Шериф...

– У меня нет достаточных доказательств, – объяснил Сэксон. – Шериф ничего не желает делать, поэтому мне пришлось обратиться к вам. У меня все еще есть земля, и вы знаете, что я умею работать. Пожалуйста, дайте мне небольшую ссуду. Тогда я смогу начать все заново – приобрести несколько голов скота и снова завести стадо.

Банкир положил ему руку на плечо:

– Я бы с радостью помог тебе, мой мальчик, но, увы, это не в интересах банка. Мое сердце болит за тебя, но, как банкир, я обязан повиноваться банковским законам. Твоя земля не является товаром для продажи. Если мы ссудим тебя деньгами, чтобы ты создал ферму заново, как мы можем быть уверены, что ее опять не уничтожат? Судя по всему, у тебя есть могущественные враги, поэтому я могу только дать тебе добрый совет. Начни зарабатывать, экономь каждый цент, и со временем ты сможешь вернуть утраченное. Что касается ссуды, то, к

сожалению, банковские правила не позволяют мне выдать ее. В противном случае мои партнеры потребуют, чтобы я удалился от дел.

Джон устало вышел на улицу.

Он обратился к силе закона и силе денег, но везде потерпел неудачу. Оставалась любовь. Конечно, можно показать Мэри Уилсон распухшее, изуродованное лицо и окровавленную одежду, заставив ее проливать слезы жалости. Но какой в этом толк?

Сэксону казалось, что он очутился в конце пути. В ушах у него звучало отдаленное журчание Блуво-тер-Крик – ручей словно говорил с ним на понятном ему языке.

В горах было место, где под скалами высотой в сотню футов пенился бурный поток, способный разнести большие бревна на мелкие кусочки. Человеческое тело, попавшее в эту мясорубку, сразу же будет искромсано до неузнаваемости. Быть может, ему лучше всего броситься вниз с края одного из утесов и обрести после краткого момента боли вечный покой?

Джон медленно побрел прочь из города.

Полдюжины ребятишек бежали за ним, выкрикивая насмешки, и отстали от него только на берегу Блуво-тер-Крик.

Сойдя с дороги, Сэксон перелез через ограду, пересек широкое поле и оказался на краю скалы над водой. Узкое ущелье, где протекал ручей, наполняли колеблющиеся тени; из каньона доносились звуки, подобные насмешливому хору. Джон в последний раз посмотрел на окружающий его мир. Был ясный солнечный день, дул прохладный ветерок, но он видел тысячи таких же прекрасных дней, и все они в итоге привели его к теперешнему безвыходному положению.

Что касается Мэри, то ему лучше навсегда уйти из ее жизни. Она должна получить свободу. Несколько месяцев девушку будут терзать сомнения, потом она решит, что он ее бросил, и естественное возмущение ожесточит сердце любимой против него. Еще через год-два природа потребует свое и Мэри выйдет замуж.

Итак, проблема вроде бы решалась наилучшим образом. Правда, Закон Божий запрещает самоубийство, но в Бога пускай верят дураки, а не люди, подобно ему честно зарабатывавшие себе на жизнь и увидевшие, как все плоды их трудов превратились в ничто.

Джон подошел к самому краю утеса и внезапно услышал позади голос Дэниела Финли.

Он вздрогнул. На момент его одолело искушение броситься вниз, несмотря на этот оклик, но, если у самоубийства окажется свидетель, весь план пойдет прахом. Поэтому Сэксон повернулся и увидел мрачную физиономию и прямую фигуру направлявшегося к нему адвокат.

– Пойдем со мной, молодой человек, – сказал он.

– Идите своей дорогой и будьте прокляты, – грубо отозвался Джон. – Я хочу остаться один.

– Ну да, – кивнул Финли. – Хочешь остаться один, чтобы спрятаться от жизни, как вор в темном переулке. Неужели, Джон Сэксон, твою душу избили вместе с телом? Ты мужчина или трусливая шавка?

Резкие слова пробудили в юноше гнев, и он угрожающе шагнул к адвокату.

– Не хорохорься передо мной – я знаю тебе цену, – предупредил его Финли. – Ты можешь бушевать сколько угодно, но стоит даже старухе шевельнуть пальцем – и ты съежишься от страха, как ежишься при мысли о Бобе Уизерелле.

Сэксон промолчал. Кипящий в нем гнев не позволял ему найти нужные слова.

– Тебя избили, опозорили, над тобой прилюдно надсмеялись, – продолжал Финли. – Твой дом спалили дотла, а твоё стадо украли. Весь город потешается над тем, что с тобой произошло. Боб Уизерелл пьянствует в салуне на денежки, вырученные за твоих коров. А ты, как побитый пес, готов прыгнуть со скалы и покончить счеты с жизнью! – Рукой, лишённой кисти, адвокат сделал знаменитый жест, производивший неотразимое впечатление на присяжных. – Я благодарю Бога, что сделан из иного теста, чем ты! Посмотри на меня – я

искалечен, не имею друзей, отрезан напрочь от всех радостей простой человеческой жизни. Но я не сдаюсь! Я иду своим путем и не склоняю головы! Хотя я старею и мне осталось жить не так уж много лет, но каждый год из них будет принадлежать мне. А ты, жалкий слюнтяй, готов швырнуть коту под хвост лучшую часть твоей жизни!

Джон снова ничего не ответил. Слова адвоката жгли его, как удары плетью, но в глубине души он признавал их справедливость.

– Лучше берись за оружие, – посоветовал Финли. – Вот. Это хороший и совсем новый револьвер. Возьми его и научись им пользоваться. Если ты считаешь, что тебе незачем жить, живи для того, чтобы отомстить Бобу Уизереллу. Учись обращаться с кольтом, покуда он не станет частью твоей плоти, покуда твои нервы не станут стальными, как он. А потом иди к Бобу Уизереллу и докажи, что ты мужчина. Если ты хочешь умереть, его пули прикончат тебя так же быстро, как прыжок со скалы. А если хочешь жить, постарайся убить Уизерелла. Когда его труп будет валяться у твоих ног, к тебе вернутся самоуважение и способность радоваться жизни!

Речь была точно рассчитана, и Дэниел, произнося ее, гордился собой. Он видел, как Джон Сэксон утром покидал город, опустив голову, а то, что с ним приключилось, было слишком увлекательным, чтобы оставаться тайной. Глядя на понурю фигуру молодого человека, адвокат догадался о том, что должно произойти, хотя это несколько его не огорчало.

Финли жил ради того, чтобы сеять вокруг себя неприятности, и тот факт, что несколько брошенных им слов пробудили в Уизерелле злобу, ставшую причиной дальнейших событий, только радовал его душу. Следовать за Сэксоном и вмешаться в самый последний момент адвоката побудила возможность продолжать умножать беды. Джон был слишком хорошим орудием, чтобы им пренебречь, и Финли нашел верный способ для его использования.

Адвокат стоял, протягивая левой рукой большой сверкающий кольт. Взгляд Сэксона переместился с него на лицо адвоката.

Внезапно схватив револьвер, он заговорил:

– Я всегда считал вас злым и черствым человеком, Финли. Может, так оно и есть, но вы показали мне верную дорогу. Я возьму револьвер и сделаю то, что вы мне посоветовали. Я докажу, что могу дать отпор этому вору и убийце!

– Конечно можешь, Джон! – с неожиданным дружелюбием отозвался адвокат. – Уверенность приходит с тренировкой. Одни обретают ее, научившись всаживать пулю в молодое деревце, другие – натренировавшись до такой степени, что попадают в ветку. Но деревца вполне достаточно. Тот, кто может попасть в него, может всадить пулю и в сердце врага, доказав право именоваться храбрецом! Все, что тебе нужно, Джон Сэксон, так это познакомиться получите с грохотом выстрелов, чтобы потом смело встать перед Бобом Уизереллом и заставить твою девушку прекратить краснеть за тебя!

– Мэри? Разве она краснеет за меня? – удивился юноша.

– А что ей остается делать? – усмехнулся Финли. – Все в городе ей сочувствуют. По-твоему, девушке легко, когда все смеются над мужчиной, которого она любит? Думаешь, Мэри и дальше сможет любить человека, которого начала презирать?

Последнее слово так жестоко ударило Джона, что он заморгал распухшими глазами.

Боль, испытываемая другими, доставляла Дэниелу Финли больше удовольствия, чем самое изысканное вино. Он уже представлял себе Сэксона и Уизерелла стоящими друг против друга, готовыми выхватить револьверы, изрыгающими оскорбления или, напротив, застывшими в зловещем молчании. Конечно, Уизерелл одержит верх, но, возможно, Сэксону удастся перед смертью всадить в него одну пулю. Ну а он, Финли, будет счастлив, зная, что стоял за сценой и дергал за веревочки, заставляя марионеток танцевать, разговаривать и умирать.

До сих пор, совершая всевозможные махинации, ему не доводилось посягнуть на чью-либо жизнь. Финли даже казалось, будто прошедшие годы потрачены зря. Его существование станет полноценным лишь тогда, когда душа ощутит вкус человеческой крови.

– Все, что вы сказали, правда, – услышал он голос Сэксона. – Не знаю, может, я и в самом деле трус. Проверить это можно, только пройдя серьезное испытание.

Не окажете ли вы мне еще одну любезность?

– Я сделаю все, что в моих силах, мой мальчик, – заверил его Финли. – Скажи, что тебе нужно? Немного денег? Ты их получишь.

Джон покачал головой:

– Пойдите к Мэри и передайте ей, что я собираюсь начать все заново. Она услышит обо мне, когда я смогу чего-нибудь добиться.

Глава 6

Деньги, конечно, были нужны. Сэксон продал двух мулов и на вырученную сумму купил боеприпасы и соль. Он никогда не был охотником, но знал, что должен научиться метко стрелять, прежде чем встретится лицом к лицу с Бобом Уизереллом. Если ему не удастся добыть достаточно мяса для еды, то нечего и надеяться справиться с Уизереллом.

Так что Джон вернулся в горы, вооруженный кольтом, нагруженный амуницией, с охотничьим ножом на поясе и мешком соли.

Два месяца он провел в горах, занимаясь охотой и ни разу не разбивая лагерь две ночи подряд в одном и том же месте.

Сэксон сгибался под порывами холодного ветра, мокнул под дождем, снежная пелена на вершинах слепила ему глаза. Но он продолжал бродить и охотиться, ориентируясь по компасу и зная, что если не будет убивать дичь, то не сможет, когда наступит время, убить и Боба Уизерелла.

Раны от побоев постепенно зажили. На правой скуле, чуть выше успевшей отрасти рыжеватой бороды, остался грубый треугольный шрам. Прикасаясь к нему кончиками пальцев, Джон каждый раз представлял себе Боба Уизерелла, высокого, смуглого и красивого.

Если ему удастся его убить, брат Боба, знаменитый преступник по кличке Пасьянс, наверняка постарается ему отомстить. Значит, придется убить и Пасьянса.

Джон повторял это себе снова и снова, замерзая ночью и страдая от голода днем. Прикончив Уизерелла, он должен будет убить Пасьянса. Впрочем, Сэксон не возражал, чтобы в этой семье оказалось десять братьев, а он смог уничтожить их всех. Даже десять убийств едва ли утолили бы его жажду крови.

Парень продолжал усердно тренироваться, не думая ни о чем, кроме ожидающих его жестоких схваток. Накопление нового стада казалось ему туманной мечтой, недостойной внимания настоящего мужчины.

Каждый час он практиковался в стрельбе или планировал, даже во сне, как лучше заняться этим в следующий раз.

От примитивного расходования боеприпасов было мало толку. Следовало научиться инстинктивно направлять оружие в нужную сторону. В салуне или во время уличной схватки едва ли представится шанс тщательно прицелиться. Настоящие перестрелки имеют мало общего с учебной стрельбой по мишеням.

Поэтому Сэксон по несколько часов в день тренировался быстро выхватывать кольт и направлять его в цель, которую выбирал заранее. Чтобы не промахнуться, рука должна была оставаться твердой как камень. Постепенно он этого добился. Все его нервы сосредоточились в правой руке, кроме тех, которые обеспечивали быстроту движений.

Однажды Джон обнаружил, что может вытягивать вперед параллельно дулу револьвера указательный палец, а курок спускать – средним. Это обеспечивало большую меткость выстрела, так как причудливый инстинкт помогает людям, не глядя на палец, верно указывать им даже на звезду.

Беда заключалась в том, что средний палец оказался весьма неловким. Его предстояло нещадно разрабатывать, чтобы, спуская курок, он не сбивал прицела. Впрочем, с каждым днем после этого открытия нового метода средний палец правой руки набирался необходимого опыта, и в итоге Джон добился желанного успеха.

Практиковаться на неподвижных целях не имело смысла. Хотя Финли казался разумным человеком, он зря разглагольствовал о парнях, которые могут попасть в молодое деревце или срезать пулей ветку. Для Сэксона ценность представляла только живая мишень.

Первую неделю Джон почти голодал. Но внезапно прямо перед ним из-за деревьев выбежал олень, и он всадил пулю 44-го калибра в голову бедного животного.

Олень рухнул как подкошенный, и Сэксон смог поджарить мясо и утолить голод.

Что-то удерживало его от копчения оленины. Джон чувствовал, что если он не станет достаточно хорошим стрелком, чтобы постоянно обеспечивать себя свежим мясом, то ему не одержать верх над Бобом Уизереллом. Поэтому в течение двух месяцев он продолжал усердно практиковаться в стрельбе по живой цели.

Отличному стрелку достаточно охотиться всего лишь месяц в году и в течение его расходовать не более двух пуль в день. Но Джону не давала расслабиться необходимость добывать пропитание и свести в недалеком будущем счеты с Бобом Уизереллом.

Если он стрелял в сидящую на ветке птицу, на его языке застывало имя Уизерелла. Если дорогу перебегал кролик, оружие, разряжаясь, словно произносило: «Уизерелл».

Каждый выстрел нужно было делать навскидку. Сэксон часами отработывал простой жест – молниеносное выхватывание револьвера – в течение первых двух месяцев.

Его промахи исчислялись сотнями, но к началу второго месяца Джон попадал в одного кролика из двух и в одну белку из четырех. При стрельбе навскидку немногие добивались лучших результатов.

К середине второго месяца у Сэксона порвалась одежда. Постоянное трение о камни и кустарник, частое пребывание под дождем износили ткань. Пришлось облачиться в лохмотья из выдубленной оленьей шкуры, жесткой, как пергамент. Из той же шкуры он изготовил мокасины, сшив их нитками из разделенных на

волокна сухожилий. Своей неуклюжестью они привели бы в ужас любую индианку, но кое-как сберегали ноги парня, которые, впрочем, не слишком в этом нуждались, так как задубели не меньше шкуры оленя.

Проведя в горах шесть недель, Джон пережил один из величайших дней своей жизни. Он карабкался по скалам выше лесной зоны, где можно было поохотиться на птиц, и, пробираясь между двумя огромными валунами, оказался в десяти футах от медведицы-гризли с тремя мохнатыми медвежатами.

Когтистыми лапами медведица разгребала муравейник. Почувяв человека, она бросила это занятие и устремилась в атаку.

Помня, что отступать некуда, так как позади обрыв, Сэксон за сотую долю секунды успел выхватить револьвер и выстрелить. Пуля угодила зверю в нос. Возможно, выстрел был удачным, но Джону так не показалось. Обезумевшая от боли медведица встала на задние лапы, дабы столкнуть его со скалы одним толчком передней. Однако, прежде, чем ей это удалось, Сэксон всадил ей в сердце две пули.

Зверь рухнул к его ногам, а испуганные медвежата побежали прочь. Глядя на поверженного врага, Джон припомнил, что индейцы всегда считали большей доблестью убить взрослого гризли, чем одержать верх над вооруженным двуногим противником.

Два следующих дня он питался медвежатиной, затем решил поохотиться на малую дичь. Кругом было полно горных куропаток, но их из-за тупости и неуклюжести стрельба по ним не представляла большого интереса. Куда более трудной мишенью служили белки, быстро мелькавшие среди ветвей. Охота на них требовала такого напряжения нервов, что у Сэксона после каждого выстрела несколько минут болела голова.

Сначала он постоянно промахивался, но со временем начал каждый четвертый или пятый раз попадать в эти маленькие неуловимые кусочки плоти. И когда один из них падал на землю, тоже думал о Бобе Уизерелле.

К концу второго месяца у Джона еще оставались патроны, но однажды ему удалось сбить белку с высокой ветки и сразу же попасть еще в одну. Два маленьких пушистых тельца мягко скользнули вниз, походя скорее на летящих

птиц, чем на убитых животных. После этого Сэксон решил, что научился стрелять достаточно метко, чтобы попасть в сердце Бобу Уизереллу, поэтому стал готовиться к возвращению в Блуотер.

Он занялся туалетом с таким усердием, словно собирался предстать перед важной персоной. Правда, свои лохмотья мог только как следует почистить. Бриться ему пришлось охотничьим ножом, а вместо мыла использовать беличье сало. Процедура была весьма болезненной, но в итоге парню все же удалось избавиться от отросшей щетины.

Склонившись над лужей, Сэксон с трудом узнал собственное лицо. На лбу и вокруг глаз кожа почернела от солнца, а ниже была белой как снег. Лицо походило на маску, скрывающую черты, которые было нелегко разглядеть, а тем более запомнить.

За время жизни в горах Джон ни разу не смотрел на свое отражение. Теперь же обнаружил, что выглядит так, словно прошли не месяцы, а годы, потому что за столь короткий промежуток едва ли можно было настолько измениться. Даже форма носа, казалось, преобразилась – на переносице появилась ранее незаметная горбинка. Глаза и рот будто уменьшились в размере, а щеки ввалились.

И тем не менее Сэксон остался доволен своим новым обликом – из воды на него смотрело лицо человека, достойного внимания, с которым ни при каких обстоятельствах не следует обращаться пренебрежительно.

Закончив со своей внешностью, Джон занялся револьвером, смазав жиром все детали драгоценного механизма, ставшего ему настолько знакомым, что он мог бы разобрать и собрать его в полной темноте.

Наконец поднялся и зашагал в сторону Блуотера. Окна лежащего в долине города сверкали на солнце, подобно сотням огненных глаз. Джон Сэксон молча улыбался, словно гонец, спешащий домой с известиями о короле.

Спускаясь в город, он думал о Мэри Уилсон и собирался сразу же отправиться к ней. Однако, вспомнив о Бобе Уизерелле, пошел в салун «Катящиеся кости», который содержал Левша Мелоун, так как Уизерелл, будучи в городе, предпочитал это заведение всем прочим.

Около дюжины городских мальчишек увидели Сэксона, но не узнали его. Наполовину коричневое, наполовину белое лицо могло обмануть и более опытный взгляд. Ребятишки не смеялись над незнакомцем, а следовали за ним по пятам или бежали впереди, словно он действовал на них так же возбуждающе, как звуки оркестра цирковой труппы. Им казалось, будто в город явился горный дух. Таких лохмотьев они никогда не видели даже на индейцах, но их интересовала не одежда, а человек, который ее носил.

Добравшись до «Катящихся костей», Джон Сэксон уставился на знакомое объявление, висевшее в окне с незапамятных времен: «Требуется вышибала». Видя его, люди смеялись, так как Блуотер был настолько крутым местечком, что ни один вышибала не мог продержаться на работе более трех дней. Поэтому Левша Мелоун предлагал двадцать пять долларов в неделю плюс содержание тому, кто согласится взяться за это дело.

Помня, что в карманах у него нет ни цента, что даже соль в его мешочке подошла к концу и у него не осталось ничего, кроме кольца и нескольких патронов, Джон толкнул плечом вращающуюся дверь и вошел в бар.

В помещении царил прохладный сумрак, особенно ощутимый после палящего солнца снаружи. Но, охотясь в лесу, Сэксон научился попадать в цель даже в полутьме. Если бы он увидел Боба Уизерелла в баре или играющим в карты в одной из задних комнат, то пристрелил бы его на месте.

Но Уизерелла там не оказалось. В задней комнате пятеро мужчин играли в покер. В баре находились еще трое. Один из них был Удав Чарли, грузчик с весьма устрашающей репутацией, подтверждаемой огромным ростом и волосатой грудью, которую он намеренно демонстрировал, распахнув рубашку.

За стойкой орудовал Левша Мелоун собственной персоной. Говорили, что у него самая крепкая пара ног в горах, поскольку они выдерживали его внушительный вес двадцать четыре часа в сутки, как того требовали дела заведения. Своим прозвищем Мелоун был обязан могучему удару левой, которому научился еще в

молодости и которым успокоил великое множество чересчур шумных клиентов. Многие задавались вопросом, нужен ли вышибала салуну при наличии такого владельца.

- Привет, незнакомец, - обратился Левша к Джону Сэксону. - Что тебе подать?

- Работу, - ответил Джон.

- Здесь есть только одна работа, - ухмыльнулся Мелоун.

- Именно она мне и нужна, - отозвался Сэксон.

- Значит, хочешь работать вышибалой? - уточнил Мелоун. - Ладно, поглядим, подойдешь ли ты для этого дела. Ну-ка, Удав, проверь, как далеко этот парень умеет вышибать.

Не тратя зря времени, Удав Чарли шагнул вперед и нанес Джону мощный удар в подбородок, сорвав ему кожу почти до кости.

Сделав свое дело, Удав отступил, дабы жертве было куда падать. Однако, к его изумлению, незнакомец стоял как ни в чем не бывало, улыбаясь, несмотря на струившуюся по подбородку кровь. После этого он ухватил Чарли одной рукой, дважды вместе с ним повернулся кругом и вышвырнул его через вращающуюся дверь на улицу. В салун Удав не вернулся. Несколько минут он барахтался в пыли, держась за вывихнутое плечо, потом встал и побрел прочь.

Джон Сэксон прислонился к стойке, кровь с подбородка капала прямо на нее.

- Ну как, я вышибаю достаточно далеко? - спросил он.

- Достаточно, - признал Левша Мелоун. - Но можно и еще дальше. - И с этими словами продемонстрировал знаменитый удар левой от бедра, вложив в него всю силу.

Он должен был сбить Сэксона с ног, даже если бы его челюсть была железной. Однако парень ловко увернулся от кулака Левши, и, когда тот, потеряв равновесие, растянулся на полу, схватил его за волосы и стал стучать лицом о

половицы.

После третьего соприкосновения с полом Мелоун спокойно произнес:

– Довольно.

Джон сразу же его отпустил. Несколько секунд оба смотрели на окровавленные лица друг друга, и каждому казалось, будто он глядит в зеркало, хотя плотный коренастый Левша едва ли походил на Сэксона.

– Мне маленькую кружку пива, – наконец проговорил Джон.

Мелоун молча его обслужил.

Двое других посетителей вскоре вышли из бара. Они рассказали о происшедшем, и весь Блувотер наострил уши.

– У тебя есть руки, и ты ловко ими работаешь, – сказал Левша. – Может, ты продержишься здесь неделю, пока сюда не заглянет кто-нибудь из по-настоящему крутых ребят. Твоя комната наверху – первая слева.

Сэксон поднялся в указанную комнату. Она оказалась маленькой и темной, окно выходило на задний двор салуна-отеля. Джон отправился на поиски и обнаружил большую угловую комнату, выходящую окнами на главную улицу. Сняв то, что осталось от шляпы, Сэксон положил ее на стол и вернулся к Мелоуну.

– Я нашел комнату получше, – сообщил он. – В углу коридора.

– Да ведь это самая лучшая комната в доме! – воскликнул Левша.

– Для меня она достаточно хороша, – отрезал Джон, глядя прямо в глаза Мелоуну.

– Ладно, – кивнул наконец Левша. – Может, эта комната и в самом деле достаточно хороша, чтобы тебя из нее повезли на кладбище. Многие захотят поглазеть на твой труп, прежде чем его заруют в землю. – И, помолчав,

повторил: – Возможно, неделю ты и продержишься.

Но Сэксон продержался месяц.

Драться ему приходилось по меньшей мере раз в день. Он считал это отличной тренировкой. Его противники работали кулаками, а Джон использовал превосходную пару рук. Он развивал их силу, бросая вилами сено, орудуя лассо, копая в саду, натягивая поводья упрямых мулов и резвых мустангов. Для человека с быстрым взглядом руки полезнее кулаков. А взгляд Джона Сэксона стал быстрее щелчка кнута после того, как он неделями сбивал белок с верхушек деревьев.

Кажется, что кулакам ничего не стоит одержать верх над руками, но это происходит потому, что большинство из них не имеют такого размаха, каким обладали руки Джона Сэксона, кроме того, мало кто тренирует глаза два месяца подряд, стреляя навскидку по мелким зверюшкам и птицам и при этом каждый раз повторяя: «Боб Уизерелл!»

Если вы можете определить, куда полетит птица, когда она, взмахнув крыльями, срывается с ветки, куда собирается прыгнуть белка или побежать кролик, то для вас не составит труда угадать, в каком направлении метнется кулак, и соответственно увернуться от него, схватить руками противника. Джону, подобно большинству мальчишек, растущих в горах, часто приходилось бороться в школе. Теперь он вспоминал старые приемы, одновременно изобрел новые и, используя и те и другие, вышвыривал буйных посетителей из «Катящихся костей».

За весь месяц работы Джону ни разу не пришлось прибегнуть к оружию. Однако каждое утро он по два-три часа практиковался в стрельбе из кольта, уходя на такое расстояние, чтобы в городе не слышали выстрелов. На Западе человеку легко нарваться на стычку – от обычной драки до перестрелки, – но Сэксон предпочитал работать руками, а не ножом или револьвером. Многие слышавшие о нем специально приходили в салун помериться с ним силой.

Как-то один канадец, здоровый как медведь и проворный как кошка, забывшись, выхватил охотничий нож. Но его рука оказалась сломанной прежде, чем лезвие коснулось Сэксона.

В другой раз кочегар с Юга, боксер-профессионал, почувствовав на себе парализующую хватку рук Джона, тоже схватился за нож. Тотчас же его запястье хрустнуло, и он, жалобно скуля, побрел из салуна.

Сэксон воткнул оба ножа в стену над зеркалом, не ради хвастовства, а потому что ему нравилось по нескольку раз в день смотреть на опасный блеск стали.

Из Каса-Нуэстра прибыл матрос-итальянец – гигант, который, как говорили, побывал на Востоке и вдобавок к страшной силе рук овладел всеми тайнами джиу-джитсу. Он боролся с Сэксоном целых два часа, но если матрос состоял из железа, то Джон – из упругой стали, которая в конце концов одержала верх. На следующий день итальянец снова пришел в салун, появился там снова и на третий день, так как не мог поверить, что его победил простой смертный. Но Сэксон применил один из своих безжалостных захватов и вышвырнул матроса на улицу с такой силой, что бедняга покатился в пыли, словно мяч.

Однажды Левша Мелоун, войдя в салун, бросил Сэксону:

– Выйди на улицу, Джонни. Там тебя ждут.

Парень подумал, что это очередной вызов, и охотно повиновался, так как уже пять дней не пробовал ни на ком своей стальной хватки. Однако, прищурившись на ярком солнце, увидел перед собой Мэри Уилсон.

На веранде прохлаждались несколько бездельников, которые, заметив, как Мэри смотрит на Сэксона, сразу же встали и отошли подальше. Несмотря на грубоватые манеры, жителям Запада не были чужды тактичность и чувствительность.

– Ты здесь уже почти месяц, Джон, – сказала девушка, – но ни разу не пришел повидать меня.

Рассеянным жестом Сэксон притронулся к шраму на щеке, оставленному кулаками Уизерелла.

– Я просил адвоката передать тебе, что мы увидимся с тобой, когда я смогу начать все заново.

– По-твоему, убить Боба Уизерелла означает начать все заново? – напрямик спросила Мэри.

Это замечание так потрясло Джона, что он не нашел слов для ответа, а когда пришел в себя, то увидел, что девушка медленно идет по улице. Судя по ее виду, она не возражала, чтобы Сэксон последовал за ней и продолжил разговор, но он мрачно побрел назад в салун.

– Налей мне виски, – попросил Джон Левшу Мелоуна.

С тех пор как Сэксон начал работать в салуне, он только второй раз заказывал себе выпивку. Левша налил ему рюмку до краев и любопытствовал:

– Сколько еще времени ты будешь зарабатывать для меня деньги драками и мучить бедную девушку?

Джон действительно зарабатывал деньги для Мелоуна, так как каждый приезжавший в Блувотер считал своим долгом зайти в «Катящиеся кости» и посмотреть, как тамошний вышибала орудует могучими руками. Впервые услышав от Левши нечто похожее на человеческое участие, он после долгой паузы ответил:

– Я знаю свое дело, Мелоун, а ты – свое. И лучше всего не смешивать их друг с другом.

– С меня довольно твоего нахальства! – разозлился Левша. – Руки у тебя что надо, но если ты будешь мне грубить, я возьму револьвер и всажу тебе в задницу хорошую порцию свинца!

Сэксон улыбнулся, допивая виски. Левша Мелоун многого не понимал в его поведении и прежде всего прогулок на рассвете в лес неподалеку от Блувотера.

А спустя три дня в город прибыл Боб Уизерелл.

Есть нечто необъяснимо притягательное в мошеннике, обладающем привлекательной внешностью, смазливой физиономией, силой и энергией. Хотя Боб Уизерелл не пользовался такой известностью, как его брат Пасьянс, его популярности способствовали дерзкий, вызывающий взгляд, гордо вскинутая голова и походка молодого жеребца, возглавляющего табун.

Боб Уизерелл явился в Блувотер в сопровождении обычной компании. Функции первого помощника, как всегда, исполнял Бутс, сверкающий лошадиными зубами в постоянной ухмылке. По пути они заглянули в кузницу Уайли Райана, который рассказал им о Джоне Сэксоне, работающем в «Катящихся костях».

– Побитый пес хорошо знает хозяйскую руку, – усмехнулся Уизерелл и вышел на улицу.

Когда он с пятью спутниками вошел в салун, Джона Сэксона нигде не было видно.

– Я слышал, у вас тут завелся недурной вышибала, – сказал он Левше Мелоуну. – Хорошо бы на него взглянуть.

– Он не показывается, если в нем нет надобности, – ответил Мелоун.

– Надобность мы устроим, – пообещал Уизерелл. Выхватив револьвер, он тремя выстрелами быстро разбил три бутылки на полке за стойкой.

Повернувшись, Мелоун посмотрел на стекающую на пол жидкость, затем снова устремил взгляд на шестерых посетителей.

– Думаю, Джон сейчас выйдет, – объявил он.

В этот момент в бар вошел Сэксон и, не сводя глаз с Уизерелла, обратился к Мелоуну:

– Кажется, я слышал шум.

– Уизерелл стал стрелять и разбил на полке несколько бутылок, – объяснил Левша. – Я хочу, чтобы ты вышвырнул его и заставил уплатить.

– Сколько он должен? – осведомился Сэксон.

– Десять долларов, – быстро подсчитал Левша, весьма щедрый к самому себе.

Уизерелл и его приятели от души расхохотались. Боб с удивлением посмотрел на лицо Джона, бледное снизу и дочерна загорелое сверху.

– Выкладывай десять долларов, Уизерелл и убирайся отсюда, – велел ему Сэксон.

– Вот тебе пять, – отозвался Уизерелл, хлестнув Джона по щеке пятью пальцами, – а вот остальные пять. – И он повторил ту же процедуру с другой щекой.

Сэксон схватил Боба за руку, повернул лицом к стене и с силой толкнул в угол. Вытащив из жилетного кармана оглушенного Уизерелла скромную пачку долларов, он бросил ее на стойку.

– Возьми оттуда сколько нужно, Мелоун.

– Вышвырни его! – приказал Левша, дрожа от гнева и радости. Видя ошеломленные лица спутников Уизерелла, он испугался, что дело обойдется без стрельбы. А ему хотелось понюхать пороху.

– Вышвырну, когда он немного передохнет, – отозвался Джон.

Уизерелл шагнул из угла. От удара пострадала в основном его гордость.

– Убирайся из салуна, – повторил Сэксон, – пока я тебя не выкинул.

– Да я тебя на куски разорву, ты... – Не найдя подходящего эпитета, Уизерелл расхохотался и посмотрел на друзей. Однако они не смеялись, а молча переводили взгляд с него на вышибалу.

Внезапно Уизерелл понял, что его люди в нем сомневаются. Они видели, как его поставили в угол, словно нашкодившего мальчишку, но им следовало помнить, что он не борец, а специалист в иной области.

– Ну-ка, – крикнул он Сэксону, – спляши для меня еще разок. – И, не унижая себя спешкой, взялся за револьвер.

В следующую секунду Уизерелл увидел перед собой дуло кольта, который Сэксон держал чуть выше бедра на расстоянии локтя перед собой. Быстрота, с которой ему удалось выхватить оружие из-под куртки, о многом говорила и бандиту, и хозяину бара, присевшему за стойкой и алчно поблескивающему глазами в предвкушении схватки.

– Лучше поглядим, как ты танцуешь, Уизерелл, – возразил Джон. – Теперь револьвер у меня, а ты подрыгай ногами.

– Будь ты проклят! – прошипел тот.

– Вижу, тебе не хочется танцевать, – вздохнул Сэксон. – Тогда медленно вытаскивай свой револьвер и опусти его дулом вниз. В этой игре у нас будут равные шансы.

Боб повиновался. Джон жадно пожирал его глазами, чувствуя, как его губы кривятся в подобии улыбки. Созерцая готовящееся жертвоприношение, он испытывал нечто вроде любви к своему врагу.

– Пусть кто-нибудь скажет: «Начинайте!», – бросил он, также опуская оружие.

Но никто не произнес ни слова. Молчание становилось тягостным. С лицом Уизерелла начали твориться странные вещи. Его глаза прищурились, словно он уже целился в противника, потом внезапно широко открылись.

Прячущийся за стойкой Левша Мелоун выругался вполголоса.

– Я подам сигнал, Боб, – неожиданно предложил Бутс. – Я всегда ненавидел твою грязную душонку. Если ты прикончишь этого парня, можешь потом свести счеты со мной. – И вдруг громко крикнул: – Начинайте!

Два выстрела прозвучали почти одновременно, но все-таки не вполне в унисон, потому что Сэксону незачем было поднимать револьвер так высоко, как Уизереллу, – он мог попадать в цель независимо от того, в каком положении находится его рука. Пуля бандита просвистела мимо щеки Джона, который, едва шевельнув дулом, всадил свою пулю промеж глаз противника.

Уизерелл рухнул лицом вниз. Его оружие со стуком упало на пол. Он лежал неподвижно, согнув ногу в изготовленном на заказ сапоге, которому больше было не суждено попасть в стремя.

Все это казалось невероятным. Джону Сэксону хотелось смеяться. Он смог сдержаться и ограничиться улыбкой, но в каждом его вздохе чувствовались радость и удовлетворение. Джон ощущал вкус победы и наслаждался им.

Когда один человек убивает другого, он обычно испытывает страх и потрясение, чувство вины, ощущение быстроты, с которой смертный может покинуть этот мир. Возможно, Сэксону предстояло все это испытать спустя три месяца, но сейчас его сердце окаменело. Ему казалось, будто в его теле поселилась новая душа.

Потом Джон вспомнил – без всякого испуга, а, напротив, с новым приливом радости – о пятерых членах банды, застывших у стены.

– Господи! – произнес кто-то из них. – Кажется, Боба прикончили!

Он повернулся к ним. Они молча смотрели на него. Один стоял разинув рот. Другой протянул руку, словно протестуя против гибели своего вожака.

– Ну, ребята, кто следующий? – осведомился Сэксон.

Ответа не последовало.

– Тогда убирайтесь! – прогремел Джон, чувствуя, как его охватывает слепой гнев. Ему хотелось выпустить еще несколько пуль из своего кольта. Разве можно было сравнить кроликов и белок с человеческой плотью? Трусость этих людей вызвала у него ощущение стыда. Ведь им ничего не стоило пристрелить его на месте!

Тем не менее они повернулись и покорно вышли из салуна. У стены остался только Бутс, по-прежнему скаля в улыбке лошадиные зубы.

– Я такой маленький, что в счет не иду, – засуетился он, видя, что его заметили. – Выпьешь со мной, Сэксон?

– Пошел вон! – свирепо рявкнул Джон.

– Ладно, – усмехнулся Расселл. – Я помню голос хозяина. – И вышел быстрыми мелкими шажками, словно женщина в туфлях на высоких каблуках.

Глава 9

Придя в салун, шериф посмотрел на Сэксона и увидел на его лице улыбку.

– Ты доволен, верно? – поинтересовался он.

Джон мог бы ограничиться неопределенным отрицанием, но правда вертелась у него на языке.

– Да, – ответил он. – Я доволен. С радостью отправил бы тебя следом за Уизереллом, потому что ты такой же хвостун и забияка, и если ты попытаешься вытащить револьвер, я это сделаю.

О шерифе говорили, что круче его в Блувотере никого не найти и что больше всего ему нравятся пули – даже те, которые всаживают в него самого. Однако так считали только до тех пор, пока пятьдесят любопытных, набившихся в салун «Катящиеся кости», не услышали, как Джон Сэксон пообещал Филу Уокеру отправить его следом за Уизереллом, если он попытается вытащить револьвер.

Крутой шериф ничего не ответил и не потянулся за оружием, а, притворившись, будто ничего не слышал, склонился над трупом.

– Вижу, ты к тому же и трус, – с усмешкой продолжал Сэксон. – Такой трусливый пес не достоин даже прикасаться к Уизереллу – он слишком хорош для тебя. Вставай и убирайся!

Уокер выпрямился и окинул свирепым взглядом лица людей, голосовавших за него на прошлых выборах, потом, приготовившись к драке, посмотрел на парня.

Однако при виде грозной улыбки на лице Джона его плечи обмякли, а глаза забегали. Он повернулся, нахлобучил шляпу и с позором вышел из салуна.

– Подходите и выпейте, ребята! – пригласил Сэксон присутствующих. – Я славно повеселился и желаю вам того же. – Он махнул рукой в сторону стойки, на которой валялись мятые банкноты Уизерелла. – Боб уплатил за следующую порцию, но нам не нужны его деньги. Не стесняйтесь, парни, подходите!

Как ни странно, все повиновались, но молчали, чувствуя себя виноватыми, пока один из них не сказал:

– Ну что ж, Уизерелл сам на это напросился. Ты отлично поработал, Сэксон. Твое здоровье!

Джон стоял у края стойки со стаканом в руке, но не мог поднести его к губам. Безудержная радость словно сковала его мышцы.

– Уизерелла нужно похоронить на Бут-Хилле, за городом, – проговорил он вскорее. – Кто-нибудь из вас, ребята, пойдет на похороны?

Все охотно согласилось. На похороны явилось большинство жителей города. Двадцать лопат разрыли землю Бут-Хилла, тело завернули в старый кусок брезента и уложили в яму.

Спустившись в могилу, Джон закрыл мертвецу глаза и произнес краткую речь:

– Я жалею об этом. Мне хотелось бы, чтобы Боб Уизерелл был жив, а я смог бы убить его снова. Если кто-то из вас желает свести со мной счеты за то, что я сделал, что ж, готов встретиться с ним в любое время дня и ночи. Думаю, это все.

Никто не произнес ни слова – ответ можно было дать только из дула револьвера. Когда Джон выбрался из ямы и огляделся вокруг, он увидел бледное и удивленное лицо отца Мэри Уилсон. Улыбка Сэксона стала шире. Теперь, когда Уизерелл был мертв и похоронен, он почувствовал себя к нему ближе, чем к любому другому из присутствующих на этом неосвященном кладбище.

Среди них Джон отметил два типа людей. Первый составляли работяги, трудившиеся денно и нощно, полагая, что на заработанные деньги смогут приобрести достаточно радостей жизни.

Второй, более интересный, тип состоял из людей, которые жаждут свободы и добиваются ее, – свободы парить в небесах, подобно ястребам, а почувствовав голод, охотиться на мелких птиц.

Однако существовала высшая радость, вкус которой Сэксон уже испробовал и хотел испробовать вновь, – радость охоты на самих ястребов.

Подобное состояние обретает охотник, возвысившийся над хищниками. Однако убивать таких, как Уизерелл, и не склонять головы перед такими, как шериф, означало воспарить так высоко, как только вообще способен человек, живущий на Земле.

После похорон Джон вернулся в салун и, поднявшись в свою комнату, упаковал вещи, приобретенные за месяц работы.

Спустившись в бар, он обнаружил там толпу людей. Одни из них присутствовали на похоронах, а другие, прибыв в город только что, хотели поглазеть на местную знаменитость.

Сэксон направился к стойке – толпа расступалась перед ним, как вода перед носом корабля.

– Я хочу получить жалованье за последние две недели, старина, – сказал он Левше.

Мелоун с удивлением воззрился на него.

– Неужели ты хочешь уйти от меня, Джонни? – спросил он жалобным голосом. Выйдя из-за стойки, Мелоун схватил Сэксона за руку, увел в заднюю комнату и заявил: – Ты не можешь меня бросить! С тобой мои доходы увеличились вдвое!

– Тогда почему же ты не повысил мне жалованье, крыса? – поинтересовался Джон.

– Потому что ты об этом не просил, – пояснил Левша. – Но я вовсе не скупердяй и теперь буду платить тебе тридцать пять долларов в неделю. Пять долларов в день – отличный заработок впридачу к бесплатной кормежке и лучшей комнате в доме.

– Заплати мне то, что должен. Я ухожу, – отрезал Джон. Ему хотелось рассмеяться над предложением променять грядущую свободу на салун в захудалом городишке.

– Ладно, получишь полсотни в неделю! Столько не зарабатывает ни один человек в городе! – не унимался Мелоун.

– Плати за две недели и перестань молоть языком, – прервал его парень. – По-твоему, я должен остаться, чтобы притягивать сюда толпу, как павшая лошадь сарычей? Не выйдет! Как только получу мое жалованье, тут же уберусь отсюда.

Взяв деньги, Сэксон вышел из салуна, неся на плече сверток с вещами. Уже стемнело, на небе поблескивали звезды. Впереди его ожидала свобода. Из прошлой жизни Джон хотел забрать с собой только Мэри Уилсон, поэтому сразу же направился к ней.

Глава 10

Дом Уилсонов предстал перед ним черным, как маска; узкий клин его крыши темнел среди звезд. Открыв калитку, Сэксон зашагал по дорожке, стараясь, чтобы гравий не слишком хрустел под ногами.

Мэри всегда поливала маленький сад поздно вечером, поэтому в воздухе витали аромат цветов и приятный запах впитывающей влагу земли. Почувствовав, что кто-то сидит на переднем крыльце, Джон сразу понял, что это его поджидает Мэри.

Девушка встала и спустилась на нижнюю ступеньку. Сэксон обнял ее.

- Только не целуй меня, - предупредила она.

- Почему? - удивился Джон.

- Я не хочу, чтобы ты даже прикасался ко мне.

Он внезапно опустил руки:

- Ты больше меня не любишь?

- Люблю.

- Может, ты встретила кого-то, кто тебе больше приглянулся?

- Дело не в том. Ты стал плохим человеком, Джон, и я не должна видаться с тобой.

- Потому что я дрался с Уизереллом? Но что в этом плохого? Я поступил как мужчина. Ты отлично знаешь, что я должен был с ним драться.

- Почему?

- То есть как - почему? Ты это серьезно?

- Когда ты смотришь на меня так, я начинаю тебя бояться.

- Ты в самом деле не знаешь, почему я дрался с Уизереллом? - спросил Джон.

- Считаешь, что у тебя были на то причины? - в свою очередь задала она вопрос.

– Считаю? Вот как? И это после того, как меня заставили плясать, словно шута, при всем честном народе, избили до полусмерти, а потом сожгли мой дом и украли стадо?! Неужели, когда я говорю тебе все это, у тебя не кипит кровь?

– Нет, не кипит, – отозвалась Мэри.

– Мне стыдно слушать такое! – воскликнул Сэксон.

– Во всяком случае, кипит не так сильно, как когда ты выражал свою радость, что убил Боба Уизерелла.

– Есть разница между убийством и честным поединком! – заявил Джон, начиная сердиться.

– О каком честном поединке может идти речь? – возразила девушка. – Ты такой большой и сильный, что с тобой ни одному человеку не справиться.

– Женщина иногда способна довести мужчину до белого каления, – заметил Сэксон.

– Тебя довести ничего не стоит, Джон, – согласилась Мэри. – Тебе ведь нравится такое состояние.

– Я пытаюсь сдерживаться. – Сэксон склонился к девушке, разглядывая при свете звезд ее маленькое тонкое личико. Она казалась такой юной и хрупкой, что он едва мог поверить в проявляемые ею теперь упорство и силу характера. – Ты ведь знаешь, что Уизерелл родился с револьвером в руке. Так что поединок с ним был более чем честным.

– Боб Уизерелл не отправлялся каждое утро в лес на два часа, – напомнила Мэри, – не стрелял в маленьких безобидных белок и кроликов и не бросал их там мертвыми. Он не практиковался, как ты.

Сэксон не видел ничего дурного в своих тренировках на рассвете, но то, что девушка знает о них, вызвало у него гнев и чувство вины.

- Кто тебе рассказал об этом? - возмутился он.

- Никто, - ответила Мэри. - Я сама это видела.

- Ты шпионила за мной?

- По-твоему, это называется шпионить? Ты вернулся в город месяц назад и за это время ни разу даже близко ко мне не подошел.

- Я предупредил, что вернусь к тебе, когда начну все заново.

- Для меня это был долгий месяц, - промолвила девушка. - Я часто не спала ночами и стала прогуливаться по утрам. Однажды услышала выстрелы и увидела, как ты крадешься среди деревьев, словно индеец, охотящийся за скальпами. Лучше бы ты никогда не начинал новую жизнь. Твои руки больше не будут чистыми, Джон.

- Мужчине нелегко понять женщину, - признал Сэксон. - Ты предпочитаешь, чтобы я всю жизнь стыдился самого себя и чтобы люди показывали на меня пальцами как на труса?

- Это лучше, чем если на тебя будут показывать как на убийцу, - парировала Мэри.

- Ты хочешь сказать, что бросаешь меня?

- Я никогда не смогу тебя бросить, но мне снова придется ждать.

Тронутый и одновременно огорченный этими словами Сэксон снова обнял девушку.

- Ты поцелуешь меня, Мэри?

- Да, если ты хочешь.

- Только если ты тоже этого хочешь, - мрачно заявил Джон.

– Как я могу этого хотеть? Этими руками ты избивал людей и ломал им кости. А сегодня ты убил человека!

Руки парня вновь безвольно опустились.

– Ну, я пошел, – угрюмо пробормотал он.

Мэри тихо заплакала. Сэксон опять привлек ее к себе.

– Не трогай меня, – прошептала она. – Лучше пусть я буду несчастной.

– Ты еще любишь меня хоть немного? – настаивал Джон.

– Ты знаешь, что я всегда буду любить тебя, – ответила Мэри. – Но я хочу гордиться тобой. Я не смогу выйти замуж за человека, которым не горжусь.

– Значит, ты никогда не выйдешь за меня, потому что я убил Боба Уизерелла?

– Не выйду, пока что-нибудь не сделает твои руки чистыми.

– Что же это может быть?

– Не знаю. Иногда такое случается.

– Ну, я лучше пойду, – вздохнул Сэксон.

Мэри продолжала плакать. «Женщины плачут так же легко, как дышат», – подумал Джон.

Она не пыталась его удержать.

– Прощай, – сказал Сэксон.

Он медленно двинулся к садовой калитке, все еще ожидая услышать за спиной звук шагов и просьбу девушки вернуться, но ничего не произошло, поэтому, опустив голову, Джон зашагал по улице.

Глава 11

Пройдя квартал от дома Уилсонов, Сэксон почувствовал некоторое облегчение, хотя все еще ощущал душевную боль. Он остановился и огляделся вокруг. Мешок на спине, казалось, ничего не весил. Джон намеревался проститься с Мэри и отправиться на поиски большего состояния, чем то, которое у него украли. И не сомневался, что это не займет много времени. Новая сила рук обещала быстрый успех, не говоря уже о новой силе воли. Если ему удастся найти работу, то какой бы сложной она ни оказалась, он сумеет ее выполнить.

Однако после расставания с девушкой уверенность исчезла. Ведь именно тяжелый кольт, на который Сэксон рассчитывал, послужил барьером между ним и Мэри.

Внезапно он решил вернуть оружие тому, кто его ему дал. В доме Дэниела Финли, расположенном дальше по улице, горел свет, на который он пошел как на маяк. Джон почувствовал, что найдет понимание в жилище адвоката. И устремился туда, словно в убежище.

Перед домом не было никакого сада – только место для привязи лошадей, где немало отчаявшихся людей оставляли своих мустангов, прежде чем обратиться за советом к адвокату. Сам дом был обычной побеленной лачугой с двумя комнатами, душными летом и холодными зимой.

Сэксон постучал в дверь и сразу же услышал резкий суховатый голос Финли, приглашающий его войти. Он открыл дверь и шагнул в нечто среднее между кабинетом, гостиной и библиотекой. Позади находилась кухня-спальня-столовая. Стены передней комнаты были сплошь уставлены полками с книгами по юриспруденции, большей частью старыми и в клеенчатых переплетах. На письменном столе в углу стояла лампа с круглой горелкой – ее свет падал на лицо сидевшего за столом Дэниела, отчего его глаза ярко блестели.

Рассмотрев посетителя, адвокат поднялся со стула, шагнул вперед и протянул правую руку, словно забыв об отсутствии кисти. Спohватившись, поспешно протянул левую, стиснув ею правую руку Джона. Несмотря на духоту в комнате,

рука Финли была сухой и холодной.

Адвокат смотрел на гостя почти с любовью – более всего его радовали изменения, происшедшие с ним за эти три месяца. Казалось, будто Джон Сэксон пережил три года, причем отнюдь не легких. Мягкость исчезла – бесполезные компоненты руды расплавились, оставив крепкое железо, которое в один прекрасный день могло превратиться в сталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Скваттер – колонист, захвативший свободный, необработанный участок земли при колонизации, мелкий арендатор. (Здесь и далее примеч. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/brend_maks/mest-fermera

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)